

Как выли, как гудели ветрами трубы осени! Под вечер становилось пусто и ясно. Сразу за рыбачьим балкóм начиналось море, и край его, все более пенистый и холодный, без конца накатывался на серую полоску берега – литораль на языке геологов. Лето осталось позади. Где-то там, в распадке сопок, где стояла, укрытая от прибрежного ветра, палатка, оно осело, съжилось в головешку, впиталось в податливую подстилку тундры.

Вечером Королев ходил под скалами, глядя на море. Скучно было ложиться спать сразу после ужина; играть на гитаре не хотелось, говорить тоже. За три месяца «поля» четыре человека, сидевшие безвылазно на краю земли, успели наговориться до отвращения к словам. Больше хотелось думать и молчать.

Какие закаты стояли в сентябре! Сиреневые всадники и драконы родились и рассыпались в облаках, не успев сразиться. Солнце, падая в море, гасило их порыв, и они бежали серыми баранами вдаль.

В начале лета работы было по горло – Королев валился вечером с ног и засыпал бы сразу, если бы не влажные шлепки медведя, глушившего рыбу в реке, в каких-нибудь двадцати метрах от их палатки. С непривычки было жутковато, и они со вторым коллектором (то есть подсобным геологическим рабочим) Женей трагическим шепотом

спрашивали у начальника отряда интеллигентного меланхоличного Коли: «Где тесак?» Коля поправлял очки, которые не снимал даже ночью, потом немного жевал свою соломенную бороду и ровным голосом осведомлялся: «Зачем?»

- Чтобы заднюю стенку палатки вырезать, если медведь в дверь полезет!
- Не полезет, спите, – таким же ровным голосом, без оттенка насмешки или раздражения, отвечал Коля и поворачивался на другой бок.

Потом к медведям привыкли, а теперь была осень – «хозяева тундры» ушли вслед за нерестующим лососем в верховье реки.

Дел у отряда становилось все меньше, и скоро уже должен был зашуметь издали вертолет или появиться с севера вездеход – гэтээска. Их привезут на базу – в поселок на другом берегу полуострова, куда постепенно съедутся все отряды их партии. Будет портвейн и пиво, геологические байки и ночные купания в горячем источнике. А потом лайнер, поблескивая крыльями, унесет их обратно – в большой шумный город к забытым на время страстям, нераспутанным житейским головоломкам. Возвращение страшило, но таков был закон.

Последние дни Королев полюбил в сапогах или кроссовках, надетых как тапочки – без шнурков, ходить по берегу один, неуклюже уклоняясь от

наката. За полевой сезон они успели пережечь огромные залежи плавника – обкатанных морем и вынесенных в устье реки сучьев, досок, ящиков. И теперь под ногами валялись только мелкие шепки вперемешку с шарами кухтылей и обрывками сетей. Кухтыли – стеклянные, в пластмассовых обертках, оранжевые, черные, с японскими иероглифами. Жестяные банки из-под пива, бутылки, вешки краболовов, каски с названием кораблей, откуда их смыло. А еще – гниющие кучи морской капусты, череп нерпы, тельце недавно погибшего в шторм тюлененка...

Весь этот хлам плавающей цивилизации и мертвые осколки природы, собранные здесь волей течений, наводили Королева на какую-то простую, важную мысль. До того простую, что ему было досадно, что он никак не может ее схватить. Она словно бы обнимала все предметы, связывая их воедино общей судьбой. В ней были равны отдельные судьбы человека и чайки, раковины и тюленя.

Закат сегодня удивительный. Золото. Роскошное, царственное. Тени от сопок, тени от облаков, между гребнями волн – тени. А против них – побеждающее, пронзительное, золотое... Наверное, такой закат будет за день до конца мира. И Он так же вот пройдет по берегу Океана. Кто там только не тaitся! Вся тварь морская и земная, все косные гады, пучеглазые чудища со дна, все камни, и облака, и растения. А наверху пробегут, подталкивая друг друга, как рябь по волнам, вечно живые лица: Гомер и Данте, Бах и Моцарт, Ньютон и Гете, Шекспир и Пушкин... И еще сотни знакомых и незнакомых лиц. В сущности, это будет лицо одного Человека. И будет такой же вечер, и чайки неугомонные, и ночь наступит, и пройдут косяками вдали белухи и увидят, быть может, костер на берегу в распадке сопок... Спешить некуда.

Утром на завтрак была, как всегда, уха из двух горбуш. У одной – на спине белое пятно и оборванный плавник: следы встречи с чайкой. Повар Лариса взялась чистить рыбу с отвращением и наконец, бросив нож, заявила: «Не могли напоследок нормального кижуча поймать, а не эту паршивую горбушу!» Крупы, как и сухарей, почти не осталось, так что приходилось довольствоваться, по выражению начальника Коли, обыкновенным лососем в собственной икре. Тушенка и сгущенка доставались идущим в маршрут, что было предметом низкой зависти оставшегося дневалить. В смысле «пожрать» он мог рассчитывать только на себя.

Чтобы наловить рыбы, не нужно было ни удочки, ни сети. Во время отлива надевали болотные сапоги, брали в руки бамбуковую краболовную вешку и заходили в обмелевшую реку неподалеку от самого устья. От хлопков палкой по воде лосось пугался и поворачивал обратно в море. Но каменный пережат за спиной уже предательски обнажился: напрасно ползти брюхом по песку к спасительной глубине – острый нож ловца достанет, хищные руки схватят бьющееся, не желающее смириться со смертью сильное тело. Кинут в мешок, оглушат, выпотрошат из ястыков икру. А потом порежут на кусочки, бросят в котелок, съедят и выплюнут на песок кости. Чтобы одному жить – другому нужно умереть. Таков закон.

Королев пристально смотрел в чистую зеленую воду, мутившуюся от шагов. Серые спины метались взад и вперед. Одни, самые сообразительные, проплывали у него между ног и уходили вверх, в омуть. Они шли, чтобы облегчить натруженное в морях тело, выложить в разрытую носом ямку икринки, из которых на следующий год вылупятся мальки. Вскоре они станут такими же сильными лососями, уйдут в море, дадут осенью новое потомство и умрут. Отметавшие икру самки и оплодотворившие их помет грустные носатые самцы будут кружиться в омуте – красные, словно ошпаренные. Осенние листья в предчувствии скорого тления.

Они будут медленно заваливаться набок, удивленно взбрыкивать плавниками, как бы не понимая собственной смерти. А смерть уже настойчиво совершается в подернутых поволокой глазах: медленным распадом вещей, задумчивым и презрительным взглядом медведя, замершего над водой с поднятой лапой. Образ его двойится сквозь водяную рябь, но его уже не надо бояться, уходить глубже – он уже не враг, он Хозяин. А хозяин замер в размышлении: можно ли еще есть эту красную полупадаль. И ленивый, сытый, он отходит в сторону, погнушавшись. Лосось увидит перед смертью только высохшую морскую соль на гальке, почувствует незнакомый бодрящий осенний воздух. Воздух другого берега.

Чайки доклюют разлагающиеся тушки, и оборот Великого Колеса свершится: молекулы разбегутся по крови птиц, по костям медведя, уйдут в землю, воду, растения. Разве не выпало и нам быть спицей в этом Колесе? Не взглянет ли однажды в твое ослабленное лицо сильный молодой зверь, раздумывая: годишься ли ты еще на корм? Или, быть может, тебе дано пройти перед заходом солнца над вечерними волнами в образе Человека?

Шум наката и красные всадники в небе, ход лосося и скрип снега под нартами. Одно – одинаковое для всех и каждому свое – солнце: горячее, ветренное, зимнее.

Королев сварил уху и ел, вылавливая ложкой из котла куски жирного добротного лосося. Спешить некуда.

Несколько раз к ним приезжали гости: инспектор рыбнадзора, коряки на лошадях. Инспектору до всего было дело в их хозяйстве – он искал сети, крупные заготовки рыбы и икры. Не найдя, пил чай, курил и уезжал, полный недомолвок. Буквально через день с другой стороны приезжали коряки. Они слезали со своих низеньких неоседланных лошадей, снимали попону из мешковины, заходили в балок «по чай, по уху». Узнав, что приезжал рыбинспектор, качали головами, шурили щелки глаз, приговаривая странное: «Жив еще, однако». Аккуратно пили чай, ели уху; аккуратно молчали, смотря хитро и простодушно одновременно.

На Королева находило тогда смешанное чувство своего превосходства и своей ущербности перед этими кочевниками. Однажды поутру, прогуливаясь, как обычно, вдоль кромки моря, он услышал глухой конский топот. Издалека по гальке с гиканьем и свистом прямо на него скакал веселый камчадал. «Куда едешь?» – спросил его Королев, улыбаясь. «Домой», – ответил тот на скаку, просясь улыбкой. – Куда это? – Везде мой дом!

И ударил коня пятками, и гикнул, и затянул какую-то дикую песню, и ускакал, оставив за собой запах конского пота и призрак вольной воли.

Эти люди жили в настоящем, именно поэтому знали, что было и что будет. Королев не знал этого.

Шум наката и красные всадники в небе, ход лосося и скрип снега под нартами. Одно – одинаковое для всех и каждому свое – солнце: горячее, ветренное, зимнее. Королев хотел бы выразить это,

но как? Вот он сидит у костра, закипает чайник и бьет накат. Вот он идет в маршрут, берет указанные образцы, заворачивает их в бумажные пакетики, шуршит под ногами галька, бьет накат. Он засыпает в палатке, слышит крики чаек, но даже во сне бьет в берег накат. Тот, кто думал за него, не мог ему помочь – он молчал.

* * *

Вслед за восхищением приходит тоска, вслед за тоской – спокойствие и понимание. Какой мудрой улыбкой дарит нас природа, когда мы подходим к ее закромам, отягощенные грузом своих предрассудков и гордыни! Мы хотим подчинить ее себе, взять, как женщину, а она снимает с нас слой за слоем – как шелуху с луковицы, все гордое и умное, все имеющее претензию на понимание. И вот мы уже стоим совсем голые, сочась глупым луковичным соком, и просим: помоги нам, спаси нас от самих себя, укажи нам путь! И природа возвращает нас тогда в состояние первоэлементов или улыбается нам мудро и иронично – как вздумается.

* * *

В последние дни «поля» Королев вышел с начальником Колей в тундровый маршрут. Небо отдавало последнее сдержанное тепло, предвещая короткую осень и скорую зиму. Голубика, брусника, жимолость, медвежья шикша, налитые соком лета, рассыпались под ногами, как бусины невиданного ожерелья. От ягод просто не было спасенья; и два человека, забыв про все дела, переползали от куста к кусту, набивая рот красными и синими бусинами. Сверху на фоне тундры они, наверное, казались двумя жуками, ползущими по палитре. Наевшись до пресыщения, они встали вновь на свои четыре ноги и пошли по направлению к реке.

На берег вышли по самым медвежьим местам: кругом шеломайник выше головы, трава свежепрямая – лежки. Тут, когда идешь, лучше посвистывать, а то натолкнешься на косолапого невзначай. Весь берег – в медвежьем помете – куча на куче. Королев попросил начальника: «Коль, пальни в воздух, может, кто в кустах тех сидит». Сухую тишину кольнул выстрел. Эхо унесло, и тишина, казалось, стала еще глубже, полновеснее. Двое людей успокоились, развели костер, подогрели тушенку, вскипятили чай в консервной банке, закурили.

Молчал шеломайник, молчал ветер. Казалось, осенний тихий день просил подумать, сбросить ненужное,

посмотреть, не шевелясь, в глубину своего отражения. Но людям всегда нейдет. «Коль, давай постреляем», – предложил Королев.

Они водрузили банку, из которой только что пили чай, на камень у реки, а сами залегли у пригорка. Королев долго прицеливался, потом бежал смотреть на кучность стрельбы. Дробь ложилась ровно – ружье было пристреляно. Последним зарядом он выстрелил в красного предсмертного лосося в реке. И когда тот покорно повернулся кверху брюхом, Королеву вдруг почудилось, что он ненароком застрелил самого себя.

Откуда ни возьмись, поднялся ветер. Пустая пачка из-под патронов легко соскользнула с руки, упав на одеяло тундры. Они оба одновременно подумали, что теперь-то уж точно «полю» пришел конец. Пора было возвращаться в лагерь.

Бредя вслед за начальником отряда, Королев вдруг услышал странный звук. Чудилось, кто-то неведомый трубил в серебряную трубу на двух-трех нотах – протяжно и заунывно. В серебряную, серебряную – откуда это взялось в его голове? Ангел, трубач, кто это? Где же он трубит: за сопками ли, за морем, в его сердце? Почему так красиво и тревожно? «И возьмет второй ангел трубу» – откуда это?

Королев остановился и тронул начальника Колю за рукав: «Слышишь? Что это?» Тот прислушался, пожевал свою соломенную бороду и спокойно обернулся за спину, где висела двустволка «ИЖ». Показал пальцем на стволы: «Это здесь».

Королев стоял и слушал музыку холодных вороненых стволов. Эти трубы осени... Это ветер, носясь над тундрой, озирая последний ее багрянец, трубил заунывно и жалобно в две железяки за плечами человека. Это он свиристел и вздыхал, призывал к чему-то, нес к морю клочки оленьей шерсти, смятую коробку сигарет, боль, тревогу, сожаление о том, что невозможно высказать и узнать.

И тогда двое, молча и уже не прислушиваясь, пошли дальше – туда, где каждого ждала его собственная судьба.

Спешить некуда.

1985–2005

Камчатка – Москва

